

«Времени не существует ни в каком смысле», — говорил Владимир Никифорович Брюшинкин. Он никогда не приходил вовремя, и я не помню, чтобы в его кабинете были часы. И навсегда он ушел тоже абсолютно не вовремя, последовательный в своем эксцентричном времяборчестве.

Когда он говорил, времени действительно не существовало ни в одном из известных смыслов. В беседах он решал организационные вопросы, давал рекомендации по написанию текстов, рассказывал о том, как был на выступлении Марселя Марсо, о встрече с Василием Налимовым («маленький такой человек», и равносильное «ха!» «так он еще и мистическим анархистом был?!»), об Игоре Стравинском, Диаманде Галас и «Pink Floyd», которых особенно любил, об Уолте Уитмене, ко-

торому хотел посвятить эссе прошедшей зимой, но не успел, о дзен-буддизме, о Витгенштейне — философе, кажется, самом значимом для него, и о хорошем вине, — рассказывал интересно, ясно, глубоко, но слегка небрежно, с неизменной иронией, с улыбкой. Если бы тогда, совсем еще недавно, время существовало, обо всем этом невозможно было бы говорить в течение каких-то пяти-пятнадцати минут, но никакого времени, конечно, не было.

Тонкий знаток философии Канта, внесший неоценимый вклад в русское и мировое кантоведение, он однажды признался, что размышляет над тем, что можно было бы противопоставить кафкианско-механическому кантовскому долгу, и пришел к выводу: это не свобода (ответ столь же предсказуемый, сколь и неверный), но ответственность. Парадоксальность его личности заключалась в том, что он находил ту невидимую грань, где соединяются, с одной стороны, игнорирование циферблата, всегда такого несвоевременного с этими стрелками, подобными трем граммофонным иглам, застрявшим в трех разных местах одной вертящейся пластинки, и, с другой, колоссальная ответственность. Владимир Никифорович словно не замечал разницы между теорией и практикой, создавал ли он системную модель аргументации и аргументорику как самостоятельную науку, занимался ли построением модели взаимодействия формальной и трансцендентальной логик, обосновывал ли интенциональность логики Канта или же решал проблемы кафедры философии, которой руководил, или отдавал силы организации и проведению международных конференций и семинаров, — во всех его делах выдающиеся качества блестящего интеллектуала и подлинного ученого-творца сочетались со способностью каждым своим поступком давать точный этический ответ себе и миру. Ответственными были его ответы и даже вопросы.

Недавно, когда времени не было, мы занимались философским анализом поэмы Эдгара По «Эврика», и Владимир Никифорович сказал, что в ней заключен самый главный вопрос — о взаимодействии между замкнутыми мирами. Свой первый текст о По, изначально совершенно расхлябанное эссе, полное самодовольства и бравады именами и фразами, я переписывал под руководством Владимира Никифоровича, кажется, полсотни раз, и он неизменно возвращал его со все новыми замечаниями. Если бы время было, я мог бы сказать, что этот урок по философии, один из важнейших в моей жизни, длился больше года. Он вел себя словно мастер Дзен или восточный учитель боевых искусств, и всякий раз мои раздражение и отчаяние встречала его ироничная мудрая улыбка: «Ну что же, Валентин...» — и новые задачи. Он был великим преподавателем и научным руководителем. Рационалист, логик (и автор великолепного учебника по логике для гуманитариев), сторонник Просвещения, один из лучших переводчиков Д. Гильберта и К. Поппера, он был эксцентричен в своем желании научить строгости и дисциплине того, кто ищет очень далеко от него на карте метафизики, опьянен радикальным, почти анархическим, традиционализмом и заморожен хаотичностью. Это был странный, потрясающий жест формообразования со стороны Владимира Никифоровича. Когда я показал ему перевод из Хаким Бея, он сказал: «Это уличная философия» — и был абсолютно прав. Любая улица нуждается в организации, которой в

равной степени могут служить как планировка, так и граффити с ситуационистскими лозунгами на стенах домов.

В его учебнике по логике также много парадоксального и экстравагантного. Например, я не знаю ни одного издания такого рода, в котором присутствовал бы пример из Д'Аннунцио, а в этой книге он есть. И узнавая, что такое фигуральная аналогия, мы читаем: «Она выросла в нашей семье, как роза среди железа». Вслед за изучением логики с этим пестрым запахом сна о Республике Фьюме, кажется, должно бы быть занятие по «Мистической латыни» Реми де Гурмона, а потом, после небольшого перерыва, лекция по магической географии. Владимир Никифорович был очень странным рационалистом, возможным совсем недавно, когда времени не было.

Приношу глубокие соболезнования родным, близким, любимым, друзьям, коллегам, ученикам этого удивительного, прекрасного, выдающегося человека. Вечная память!